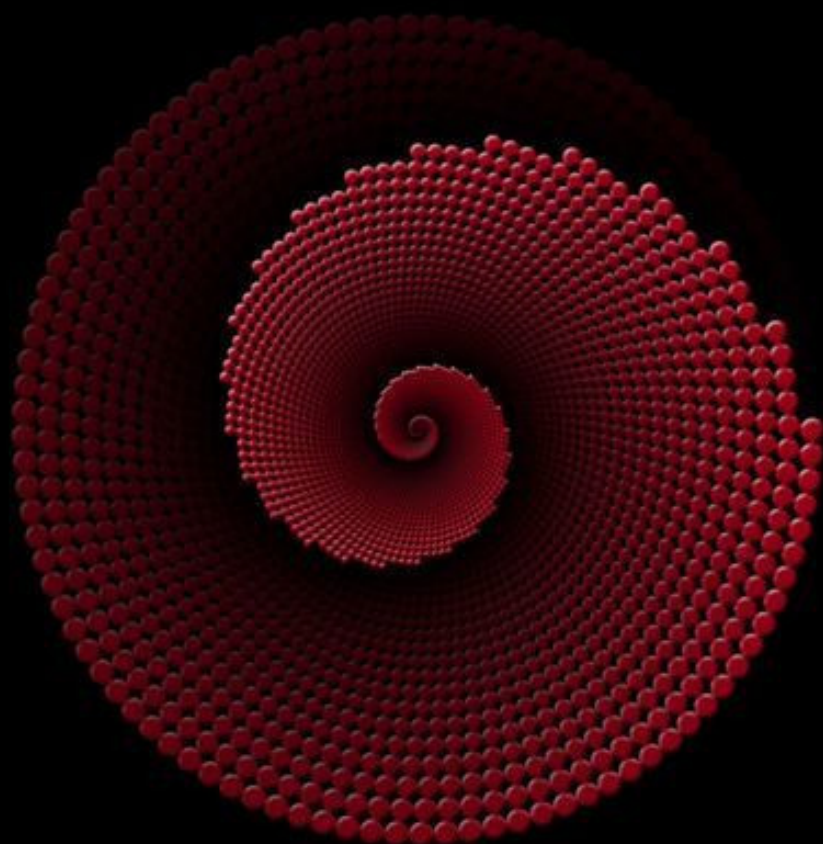

18+

НОИЛЕНИУМ

Мария Шкурцман

Мария Шкурцман

Ноилениум

«Издательские решения»

Шкурцман М.

Ноилениум / М. Шкурцман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982199-7

На улицах Санкт-Петербурга разворачиваются мистические события, которые увлекают за собой программиста Александра Чернецова. Неожиданным образом судьба города оказывается в его руках. Какое решение примет герой, и какую цену за это придётся заплатить, вы узнаете в фантастическом детективе «Ноилениум».

ISBN 978-5-44-982199-7

© Шкурцман М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ноилениум

Мария Шкурцман

© Мария Шкурцман, 2020

ISBN 978-5-4498-2199-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Лицо в тумане.

Мелкий дождь моросил с утра, раздражая и без того угрюмых прохожих, мягко и часто ложился на шляпы и зонты, глянцевал графитовый асфальт. Саше казалось, что кто-то достал невидимую палитру с одними лишь оттенками серого колера и раскрасил широкой кистью всё вокруг. Порывы ветра сердито подгоняли, развевая полы его плаща, торопили домой в уютное тепло электрочайника, дивана и телевизора.

«Какой бесконечный день», – размышлял он, расплачиваясь в ларьке за печенье «Шахматы» и пачку сигарет.

– Молодой человек, сдачу заберите... Ходят, как лунатики, потом под поезда попадают, а человеку невинному в тюрьму садися. О чём только думают? – луноподобная торговка излучала крайнее презрение к человеку, способному забыть сдачу.

«Приду, посмотрю прогноз погоды на завтра. Когда этот дождь закончится? Кофейка плотну, а потом позвоню Максиму. Ещё неделю назад обещал электронику в машине глянуть... Главное, не забыть позвонить».

Внезапно поток мыслей прервало странное ощущение. Последний раз с ним происходило нечто подобное в далёком детстве. Саше чудилось, будто он – ничто, пустота. Кто-то безликий, без имени, без дома, без друзей. Растворяется в окружающей серой массе, теряя последнюю частичку своего «Я», забывая всё что относится к нему, Александру Степановичу Чернецову и плывет инертной массой в бесконечном потоке чужих лиц и мыслей.

Тут его блуждающий взгляд задержался на женщине. Ничем не приметная, в чёрной кожаной куртке, она стояла в двадцати-двадцати пяти метрах от Саши и буравила его своими бесцветными глазами. Что-то отличало незнакомку от остальных прохожих. Саша не сразу заметил, что она была без зонта, без головного убора и по её седой чёлке, спадающей почти на самые глаза, бежали тонкие ручейки воды. Они стекали по щекам, падали на одежду, на асфальт. Или это были слёзы? Столько слёз вокруг в этом морозящем дожде, так похожем на туман...

В какой-то момент её лицо показалось до боли знакомым, но очень далёким, будто выплывшим из прошлой жизни. Саша тряхнул головой, пытаясь прогнать невесть откуда подступившую тошноту и когда это удалось, заспешил домой, оглянувшись лишь у подъезда туда, где стояла странная женщина. Она исчезла в пелене дождя бесследно, словно её никогда не существовало. Взгляд Саши остановился на граффити, изображённом на облупившейся стене у которой стояла незнакомка. Чёрный символ в виде меча, окруженного спиралью казался зловещим знаком. Никогда прежде Чернецов такого не видел, и толкования его не знал.

Дома он устало плюхнулся на диван. Когда блаженное тепло от кофе растеклось по венам и озноб перестал выбивать мелкую дрожь в теле, ткнул в кнопку пульта управления телевизором.

– В Петербурге в ближайшие сутки ожидаются проливные дожди и шквалистый ветер. Температура воздуха в дневные часы составит девять – одиннадцать градусов тепла, ночью пять – семь также со знаком плюс. Влажность воздуха девяносто два процента... – монотонно вещала рослая блондинка – метеоролог.

Прогноз погоды сменился каким-то боевиком, название которого Саша не запомнил, впрочем, как и его содержание. Раздражённо переключая каналы он остановился, лишь когда слух резануло название его улицы в криминальной сводке. Телеведущий заметно торопился рассказать о случившемся:

– Около двух часов назад на улице Темирязева из проезжающего джипа автоматной очередью была расстреляна пожилая женщина. Оперативная группа работает на месте преступления. Следствие убедительно просит граждан, имеющих любые сведения о данном происшествии, местонахождении преступника или личности убитой, сообщить в ближайшее отделение милиции или по телефонам, которые вы видите сейчас на экранах ваших телевизоров. Все подробности и обстоятельства преступления у нашего корреспондента, Виталия Ложкина, э-э, простите. Вилкина. Виталий?

На экране появился Виталий Вилкин и затараторил также на одном дыхании:

– Совершенно верно, Игорь. Неизвестные, проезжая по Темирязева в джипе марки «Ланд Крузер» чёрного цвета, расстреляли женщину и скрылись с места преступления. Номер автомобиля был испачкан грязью и разглядеть его немногочисленным свидетелям не удалось. Мотивы жестокого убийства и личность жертвы, пока не установлены. При женщине не было обнаружено никаких документов. В городе объявлен план «Перехват». А сейчас своими наблюдениями со съёмочной группой нашего канала делится продавец продуктового ларька по улице Темирязева, Романчук Светлана Викторовна, которая стала невольным свидетелем зверского и бессмысленного преступления!

На экране показалось круглое лицо продавщицы, которая давеча отчитывала Сашу за забытую сдачу. Тётка взахлёб рассказывала подробности, явно потрясенная увиденным и внезапной важностью собственной персоны:

– Ну, значит, вот что... С утра же ж моросило и моросило севодни. Люди по делам торопятся, а эта, ну женщина значит, придёт вон туда, под кафешку «У Пельменя» и стоит. Постоит-постоит и уходит. Потом опять возвращается. Вроде ждала кого. А последний раз как исчезла, так почти сразу же и вернулась обратно. Минут через пять где-то. Тут этот джип и показался. Улица считай, пустая была. Я хорошо видала. Джип блесит под дождём, а номера замызганы. Нарочно, видать. Медленно к ней так подъехал. Она и бежать не собиралась, окаянная, только глядела во все глаза. А потом бах-бах и всё. Нет тётки. Будто только и ждала, чтоб из автомата расстреляли, – выдохнула тётка и полезла в карман за «Валидолом». Немного успокоившись она продолжила. – Лежала убиенная в той же ж луже, что и стояла весь день, только теперь лужа от крови красная стала от ейной. Вот до чего народ довели! – закончила мысль Светлана Викторовна. Тут к журналисту и ларёчнице подошел молодой оперативник и закрыл рукой камеру.

Сашу поразила прозвучавшая новость. В своей памяти он вновь встретился со взглядом седой женщины. Она смотрела на него так, будто знала его. Да и что греха таить, её лицо тоже показалось странно знакомым. Чернецов долго испытывал на прочность свою память, но проиграв эту битву с самим собой, незаметно уснул.

Саше снилась бабушка. Её не стало более десяти лет назад. Горечь утраты первые годы была особенно острой. Но время если не лечит, то размывает границы боли, притупляя её. Так произошло и с Сашей. И вот сейчас она снова ему приснилась.

Бабушка Рита, Маргарита Вульфовна как её звали во дворе, вложила в любимого внука почти все свои знания о жизни, коих имелся солидный багаж. Однако она до самых своих преклонных лет оставалась загадкой для Саши. Была в ней та недосказанность и харизма, которую детское сердце чувствует особенно явно. Некоторые тянулись к ней из-за этой необычной черты, но большинство – опасались. И лишь в последние дни, когда Маргарита совершенно слегла, ей болезненно захотелось о чем-то откровенно поговорить с Сашей.

– Санька, – шептала она кашляя, сбиваясь и долго подбирая слова, – ты мой единственный наследник. Квартира моя твоей будет. Это ты и так знаешь. Делай с ней, что захочешь. И дача в Лисьем Хвосту, дача тоже – твоя. Вот о ней...

– Бабушка, мне ничего не нужно. Постарайся поправиться. Я прошу тебя.

– Александер, не перебивай. Слушай меня внимательно... О чём я говорила сейчас? Не помню... Саша, что я хотела тебе сказать?

Саша глотал слёзы, но бабушка уже не видела этого. Она спала.

– Саш, как она? Что-то нужно? – шёпотом спросила, высунувшись в приоткрывшуюся дверь Розочка, кажется троюродная бабушкина племянница или что-то вроде того. Саша плохо помнил её. Она осталась сиротой ещё в младенчестве. Маргарита Вульфовна всегда помогала девчужке и теперь Роза ухаживала за ней из чувства благодарности. Саша не вникал в их отношения тогда и фактически не общался с ней. Совершенно бесцветная ничем неприметная Роза, была серой, как ушедший день. Ушедший день... Внезапно мозг пронзила дикая догадка: Роза! Это она стояла сегодня под дождём и смотрела на него так пронзительно. Но как же она состарилась! Роза стала похожа на увядший цветок, распространяющий затхлый запах.

Голова во сне звенела, пока Саша не понял что звонит телефон и с трудом нащупывая грань между сном и реальностью, снял трубку:

– Алло! Слушаю!

– Шурик?! Здорово!

– Макс?!

– А кого ты ждал? Фею шёлковых ночей? Я чё, тебя разбудил?

– Ага. Вздремнулось что-то. Погода, наверное.

– Ну, давай, продирай зенки и приезжай. Электронику у твоей милой гляну, если не ревнешь, – Макс весело расхохотался.

– Да ну тебя. Слушай, давай завтра, а?

– Не, Сань, завтра никак. Завтра с налоговиками бы разобраться, а то век свободы не видать. Ты же сам на сегодня просил... И потом, дела у меня. Давай, не ленись, подгребай. Расскажу тебе кое-что интересное. Я такую плюху снял – обалдеешь.

– Макс, ты хоть половину своих плюх в лицо помнишь?

– Шурик, не брюзжи. Какие наши годы? Эту – точно не забуду. Про таких песни поют. По телефону ничего не скажу, но подвязки у тётки – мама не горюй. Если у нас с ней и дальше будет также офигенно, то моему автосервису никакая налоговая будет не указ, – и Макс радостно хрюкнул.

– Макс, я это уже слышал или память скверно шутит со мной? Когда ты в прошлый раз завел шашни с генеральской дочкой, этой, как её...

– С Маленковой, что ль?

– Ну да, с Маленковой. Так вот не она ли тебе обещала отмазку от налоговой на долгие года? И не её ли brutальный папенька чуть не потопил твой автосервис с тобой вместе в глубокой речке под названием «Дерьмо»?

– Эх, Саня... Злопамятный ты... Малолетняя потаскушка – прошлогодний снег. Моя нынешняя гёрла – не сопливая девка, а крутая тётя с большими бабками. Всё. Больше ничего не скажу. Приезжай, – отрезал Макс и в трубке раздались частые гудки.

Лучший друг Саши Максим Капралов был парнем видным. Из данного обстоятельства без особого стеснения он выжимал колоссальную выгоду. Например, несколько лет Макс получил небольшое наследство от одной из своих пассий весьма элегантного возраста и к изумлению Чернецова не потратил эти деньги на гулянки с девочками, новую тачку или шмотки, а открыл небольшой автосервис. «Надо думать о завтрашнем дне. Стареем, Саня», – объяснил он тогда, чем ещё больше обескуражил приятеля. Таким был Макс. Непредсказуемым...

Глава 2

Макс.

Превозмогая себя, Саша выбрался из-под тёплого пледа, плеснул в лицо ледяной водой и сменил джемпер. Ещё через десять минут он завёл любимую «Тойоту» и двинул к Максусу в автосервис.

Дождь по-прежнему частил, но дворники прилежно разносили блестящие капли по стеклу. Город подсвечивал фонарями, неоновыми рекламными и уныние казалось не таким тягостным. Саша поймал себя на мысли, что этой осенью Петербург стал похож на декорацию к странному фильму. А может быть он был таким всегда, но рутина так закрутила в своём монотонном ритме, что Чернецов этого не замечал. Жил здесь почти все тридцать лет своей сознательной жизни и не замечал.

Саша пропитался мятежным питерским духом и сквозняками его переулков ещё в раннем детстве. Всё здесь было знакомо: город рос и менялся вместе с ним. Потом была учёба в институте, где Саша сдружился с Максом. Новоиспечённый приятель уже в те годы виртуозно кружил головы всем особам женского пола, попадающим в поле его зрения. Ему было совершенно неважно: красива ли очередная его пассия, молода ли, провинциалка ли, петербурженка ли... «Надо совершенствоваться и оттачивать мастерство. И вообще, Шурик, запомни: с женщинами, понты дороже денег...», – частенько поучал он друга.

Благодаря этой нехитрой науке немало слёзных, а порой и совсем нелицеприятных инцидентов было на совести Максима Капралова, однако ему удивительно везло и он всегда выходил сухим из воды. Не обладай Макс этим счастливым качеством, полный геныхт, как сказала бы Сашина бухгалтер Фаина Аркадьевна, ему пришел бы уже давно.

Чернецов подобным везением похвастаться не мог даже при том, что слыл симпатичным парнем. Глубина его синих глаз и мягкость тёмных выющихся волос привлекали только особенных девушек. Правда с красавицей-однокурсницей Аллочкой Болдиной у Саши даже случился краткосрочный брак. Однако супруге в пугающе возрастающей прогрессии требовались новые платья, шубки и что ещё хуже, обустройство её многочисленной родни из Липецка в Питере. «Желательно в бабушкиной квартире. Она ужасно большая. Напрасно пустует», – вздыхала Аллочка. Саше всегда хотелось осмысленных и философских отношений. Увы, в супруге эти качества найти было невозможно, даже вооружившись самым серьёзным оптическим прибором и ангельским терпением. Так и завершилась их ветренная интрижка...

Рассказать ли Максусу о сегодняшнем происшествии, машинально поворачивая руль размышлял Чернецов. А может логичнее обратиться в милицию и честно сообщить, что узнал женщину, убитую накануне? Легко представить как друг, возмущаясь и матерясь, будет отговаривать от этой затеи. И правда, к чему лишние неприятности? Розе он уже ничем не поможет, а себе жизнь наверняка усложнит. Нет, с милицией лучше не торопиться. А если оперативники раскопают их родство самостоятельно? Ну и что? Не видел, не знаю. И даже если видел... Что странного в том, что он не узнал Розу, приходившуюся ему седьмой водой на киселе?

Таким образом, почти успокоив себя, Саша подъезжал к автосервису. Это «почти» точило и не позволяло расслабиться ибо в глубине души Саша понимал, что видел именно Розу и остро чувствовал, что странная встреча служила лишь началом ниточки в большом клубке неприятных событий, которые поджидали его в недалеком будущем.

– Здорово! – Макс вышел навстречу. Приятели обменялись рукопожатием. – Молодец, что приехал. Я бы завтра не смог организовать. И потом тоже хрен знает, когда освободился бы. Закроюсь на недельку – другую. Таковую лав стори замутил!

Саша сразу отметил про себя, что друг выглядит слегка потускневшим и постаревшим. Женщины любили его и прозвали Солнышком за яркие глаза, белёсые волосы и ослепительную улыбку, из-за которой казалось, что Макс снисходительно распространяет вокруг себя благодатное сияние. Но сегодня благодать была на нуле.

– Выглядишь ты, Макс, хм... прямо скажу, не блестяще. Заездила новая подружка?

– Не парься, Саня. Она того стоит. Ты и сам кстати, угрюмый, больше чем обычно. С Людкой что ли поцапались?

– Да нет. Чего с ней цапаться? Она совершенно нейтральное создание. Уже второй год ждёт, что я на ней женюсь и считай без единой истерики. Почти идеальная женщина.

– Ну, так у вас всё честно. Ты ж её предупредил, что не имеешь такого идиотского намерения.

– Ага, но вот чую я, что на нашем корабле зреет бунт. Ладно, проехали. Так что у тебя за лав стори?

– Пошли ко мне, перетрём. Витёк, иди проверь «Тойоту»! Я потом и сам гляну. Свистнешь.

Кабинет Макса был обставлен в минималистическом стиле, но он был удобен как для работы, так и для отдыха.

– Коньяк будешь? Ах, да! Ты за рулем. А я хлебну, пожалуй, – Макс плеснул себе спиртное в фужер. Затем вальяжно затянувшись сигаретой и устроившись на кожаном диване, повёл свой рассказ: – Помнишь мою предыдущую гёрлфрендю? Ну, Леру. Рыжая такая. Кстати, это миф на счет рыжих. Они такие же, как и все. Или я уже говорил об этом раньше? Ну да неважно. Короче, потащила она меня пару недель назад на открытие нового ресторана. Сначала мне было в лом идти, но потом подумал, что Лера уже утомила меня хуже зубной боли и на этой тусовке можно подцепить кого-нибудь посвежее. Ну я навёл лоску и отправился под руку с конопатой в этот кабак. Открыл его кстати, никто иной как сам великий и ужасный Керич. В курсе, кто такой?

Саша отрицательно покачал головой.

– Ну ты даёшь! Он же знаковая фигура в Питере... Значит, рассказываю: Керчинский Виктор Станиславович. Заседает в Думе, штаны протирает, а между заседаниями занимается делами куда более полезными для его благополучия, чем порча портков. Прикольно, правда?

– Очень.

– Ну так вот. Керчинский со своей супругой присутствовали на открытии. Очень видная дамочка. Когда нас познакомили, между нами сразу проскочил огонёк. Я такие вещи секу, ты же знаешь. Мужу до неё дела нет. Тоскует она. Короче, я удачно выбрал момент, подкатил к ней, а дальше – дело техники, – и Макс самодовольно ухмыльнулся. – Теперь мадам Керчинская, она же супруга авторитета Керича, уже три недели тает от моего личного обаяния, как пломбир на пляже. Кстати о пляжах... Мы собираемся на недельку махнуть на острова. Вытрясу из неё всё, что пожелаю. Ну как? Я король?

– Хм... Что-то не вдохновляет. Такие чики – непростые бабы. Ты уверен, что её муженёк ничего не знает? А если узнает, то не закатает тебя в асфальт? И если уверен, не слишком ли ты наивен?

– Саня, не бойсь. Её благоверный содержит несовершеннолетнюю любовницу – тайку. У Линды есть доказательства. Видео – шмидео, там... Короче, стоит ей запустить ролик в Интернет и по крайней мере, политическая карьера Керича завершится бесславным финалом. Оно ему надо?

– И всё-таки не лучшую историю ты мне рассказал, Макс. Ты знаешь, я не люблю копаться в чужом белье. Хотя, если отдаёшь отчёт в том, что делаешь – дерзай.

– Дерзну, Шурик, ещё как дерзну. Но на сегодня – баста. Устал. Пойду только тачку твою гляну, как там справляется Витёк. Подожди меня здесь.

Макс вышел, а Саша задумался: что-то тревожило его в услышанном рассказе. Приятель казался традиционно беспечным, но на сей раз ставки были слишком высоки.

Саша оглядел знакомый кабинет. Стальные тона в сочетании с индиго. Запах сигарет и терпкой туалетной воды. Пузатые бутылки с коньяком и квадратные – с виски... Всё было знакомо до боли, но чувство сожаления о чём-то неуловимом стало только сильнее. Может быть, съездить к Людке? Она своей болтовнёй сумеет отвлечь от гнетущих мыслей, и Саша потянулся за телефоном...

– Алло, Люсь? Я у Макса. Хочу, чтобы он машину глянул. Потом планирую к тебе заехать, ты как?

– Нормально. Приезжай, котик. Только остаться у меня ты сегодня не сможешь, прости. Мне к маме надо, – жалобно протянула Люся. – Она на даче.

– Скоро буду.

Люся чмокнула в трубку и раздались частые гудки.

За спиной пробасил вернувшийся Макс:

– С кем болтал? Судя по умиротворенной физиономии, с Людкой. Слушай, может и правда, женись на ней. Детей нарожаете.

– Отвали, Макс. Мне одного раза хватило, чтобы твёрдо уяснить, что это не моё. Так что с машиной?

– Всё нормально. Езжай. Там по мелочи было.

– Сколько должен?

– Издеваешься? Езжай уже к своей Людмиле, Руслан. Не мозоль глаза, а то опять мозги прочищать начнёшь...

– Не начну. За свою жизнь сам отвечаешь, но история эта дурно пахнет. Попомнишь моё слово.

– О, я так и знал. Держи ключи и ступай себе с Богом. Вернусь с Сейшеллов – позвоню. Если Линда достанет – позвоню оттуда. Кстати, я думаю, это ненастоящее её имя. Что за мода у светских тёлочек пошла имена менять: Линда – Белинда? Звалась бы Танькой – было бы проще.

– Макс, они не тёлки светские, они – львицы.

– Саша, тёлка Таня и львица Линда – это один хрен. Поверь боевому товарищу.

– Верю. Ключи давай.

Макс подбросил ключи, Саша легко подхватил их и поехал к Людмиле.

– Привет, котик, – промурлыкала Люся, повисая на шее Саши, когда он появился на пороге её квартиры. – Ну что с твоей первой любовью? Надеюсь, ничего страшного? Макс её полечил?

– Люсь, не начинай.

– Я шучу, – хриловатый смех Людмилы указал на одно обстоятельство, которое случилось крайне редко, но сулило неприятности: она была пьяна.

– Ты пила?

– А-а, по мелочи. Всего один коктейль. Корпоратив, ё-моё. Иногда даже нас, художников зовут. Сволочи. Но ты, котя, не обращай внимания. Я совсем чуть-чуть. Пойди вымой руки и айда ужинать. Всё уже на столе. Побуду с тобой немного и потом к матери в Ольгино двину. Она очень просила.

Уплетая разогретое в микроволновке жаркое, Саша спросил:

– Как ты машину вести собираешься? Давай, отвезу тебя. До Ольгино же час езды.

– А я не пьяна... – Люся хитро прищурилась, – Санечка, неужели ты за меня беспокоишься? Боже, какое счастье... – она картинно закатила глаза. – Ладно, по такому поводу я возьму такси, а ты дуй домой. Выглядишь совсем уставшим. Лучше приедешь за нами через

пару дней и отвезёшь обратно в Питер. Кстати, мама тебя повидать хотела. Заодно и встретишься.

– Ну, хорошо. Я и правда устал. Рассчитывал отвлечься с тобой, сходить куда-нибудь.

– Прости, миленький. Уже пообещала маме, что приеду. Немного за неё волнуюсь. Дом холодный. Простудилась, наверное. Ну и ты же её знаешь – пару дней в одиночестве и появляется куча несуществующих болячек.

Тут Саше на колени запрыгнул пушистый Барин, кот-сибиряк Люсин питомец. Он был похож на одомашненную рысь, при этом не особо уступая старшему предку в размерах.

– Привет, Барин! Остаёшься один или поедешь на дачу?

Кот мяукнул в ответ.

– Люсь, хочешь, я к себе на пару дней кота заберу?

– Не боишься хлопот? Я лучше его соседке Нине Васильевне оставлю.

– Нормально, Людок, не надо Нине Васильевне. Мы же с Баринком холостяки. Всегда общий язык найдем.

– Вот именно – холостяки, – повисла напряжённая пауза, а потом Люда решила. – Саш, ну почему мы не можем жить вместе, как все люди? Неужели я совсем ничего для тебя не значу?

«Тьфу ты, сам себя сглазил. Пора валить домой, иначе добром это не кончится», – пронеслось в мыслях у Чернецова. Но его девушка была особой проницательной, потому что её глаза, начавшие наполняться слегка пьяными слезами высохли и она неожиданно спокойно произнесла:

– Я слышала в новостях, на твоей улице произошло убийство.

– Да, я тоже слышал, – ответил Саша, хотя по правде сказать, ответить хотелось нечто совершенно иное. Что-то типа: «Час от часу не легче».

– Саша, это ужасно. Я боюсь за тебя. В твоём районе всегда было тихо... Ты не знаешь, кто эта женщина? И за что её убили? Говорят, пожилая. Может из-за наследства? Она не из твоего дома?

– С чего ты взяла, что из моего?

– Не знаю... Просто любопытно.

– Тогда зачем пороть чушь? Я понятия не имею, кто она. Ни разу в глаза её не видел! И почему ты должна за меня бояться? Я никогда не связывался с криминалом и я не наследник Рокфеллера, а простой программист. Кому я нужен? Или моя фирма из четырёх человек? Ты можешь объяснить? – Саша раздражался всё сильнее, новая тема нервировала пуще прежней. – Поеду домой. Устал. Спасибо за ужин.

Людмила, борясь с очередным слёзным приступом, кивнула и перешла почти на шёпот:

– Прости, я не думала, что тебя это так разозлит... Кстати, я сделала тот рекламный баннер, что ты просил.

Люда помогала с дизайнерскими вопросами, периодически возникавшими в Сашиной конторе. Но сегодня Чернецов был непробиваем:

– Спасибо, покажешь, как вернёшься. Не срочно. Сейчас успокойся и поезжай к матери. Позвонишь, когда нужно будет забрать вас, – буркнул он и решительно направился в прихожую. Люся засемила следом.

– Санечка, ну прости меня неразумную. Глупости говорю. Пьяна всё же, наверно. Я тебя очень люблю и хочу быть с тобой. Я не так молода уже. Деток хочется поняньчить... Давай поженимся, а? Я думаю, нам уже пора, – она положила руки ему на плечи, и заглянула огромными блестящими от слёз глазами, в самую душу.

Саша молча рассматривал её: что-то новое появилось во взгляде. Кроме мольбы, в нём сквозило отчаяние, но отчаяние жёсткое и настойчивое. Людмила была красива и это признавал даже Макс, перепробовавший все виды женской красоты. Сероглазая, с пепельными

пушистыми волосами. Саше иногда казалось, что она похожа на Мальвину, необыкновенную девочку из детской сказки. Однако ей будто чего-то не хватало... Тепла или глубины, а может быть и того, и другого. Саша не знал и вполне возможно был слишком придирчив к Люсе, потому что другие мужчины смотрели на него с завистью, когда они появлялись где-либо парой. И сейчас на мгновение даже мелькнула предательская мысль: уступить, сдаться этой женской мольбе, смириться с неизбежным. Но тут же одёрнув себя, Саша убрал её руку с плеча и ровно произнёс:

– Мы обсуждали это много раз, Люда. Я боюсь, что бессмысленные разговоры не приведут ни к чему хорошему. Только к ссоре. Поезжай к матери. Потом поговорим, – и, коснувшись её мокрой щеки губами, захлопнул за собой дверь.

Глава 3

Лицо судьбы.

Саша назвал свою фирму «Пегас» ибо ему казалось, что ассоциация с крылатой лошастью будет приносить успех. Однако бизнес упорно не желал взлетать в высшие слои компьютерного бизнеса. Поставками офисного оборудования и программистским трудом теперь в городе не промышлял разве что ленивый. Конкурировать с богатыми фирмами было почти невозможно и положительное сальдо «Пегаса» едва держалось на услугах сарафанного радио и некотором количестве постоянных клиентов. Трудовой коллектив фирмы был маленьким, но колоритным.

Правая рука Саша – молчаливый Прохор Сеницын, мог сутки напролёт сидеть за монитором и при этом не выглядеть усталым или больным. Неразговорчивость помощника окупалась профессионализмом и преданностью делу. Прохор приехал в Петербург откуда-то с периферии. Саша были неведомы детали его личной жизни. Зато за деловые качества программиста можно было простить даже его стоптанные кроссовки, от которых в любое время года разило за версту, как от настоящей трудовой лошадки. Из-за этих самых кроссовок Саше приходилось каждый раз набирать побольше воздуха в грудь, прежде чем войти в тесный кабинет Сеницына.

Бухгалтером служила Фаина Аркадьевна Голденберг. Дама, стряпающая не менее элегантно финансовые отчёты, чем дата рождения в её паспорте. Благодаря данному факту отношения «Пегаса» с налоговыми службами всегда были в полном порядке. Фаина быстро складывала в уме многозначные цифры и бесцеремонно отшивала рекламных агентов и продавцов мелочи, которые время от времени стучались в дверь маленького офиса.

Когда на пороге возникало очередное сияющее лицо с мешком всякой дребедени в руках и тараторило речитативом: «Добрый день. Я – Арсений, представитель фирмы «Рога и К». Я хочу подарить вам уникальнейшую возможность...», Фаина отвечала примерно следующее: «Милейший, вам кто-то пошутил. Ваша уникальная возможность была профукана в десятом классе». Далее растерявшегося ходока выпроваживали прочь.

Искал клиентов и вёл с ними предварительные переговоры турок Эльдар Гунгор. Из Турции в Россию его привела страсть к пышнотелой завмагом Зинаиде. Дамочка даже вышла за него замуж и честно зарегистрировала в своей квартире на Литейном. Однако через пару лет благоверная заскучала и купила турпоездку в Грецию из которой вернулась с новым увлечением в пергидрольной голове. С Эдгаром она тут же оформила развод. Впрочем, надо отдать должное турку: за пару лет прожитые в Петербурге, он освоил русский язык и завёл кучу друзей.

В «Пегас» его привел Макс, порекомендовав как лучшего менеджера Петербурга. Саша тогда настороженно воспринял нового человека. Но глядя на то как виртуозно Эльдар расправляется с клиентами, одаривая их самой приветливой и солнечной улыбкой, Чернецов отнёс все сомнения. Таким образом, Эльдар легко влился в небольшой коллектив, привнося в него пряные восточные нотки и заняв свою нишу.

Следующий день принёс Чернецову неприятную работу: программа, которую он считал фактически готовой, упрямо выдавала ошибку. Он потратил кучу времени на то, чтобы найти злополучный баг, однако дело не клеилось. Посторонние вопросы упрямо возникали в голове и Саше никак не удавалась сконцентрироваться. Что делала Роза возле его дома? Почему её убили? Откуда неприятное ощущение, что она ждала именно его? Саша тёр виски и смотрел в окно, но ответы не приходили.

Раздался стук в дверь и на пороге возник Эльдар с неизменно ослепительной улыбкой:

– Привет, Александер-бей. Что помятый такой? Не выспался? Али красивый девушка мешаль?

– Эльдар, не до шуток. Я серьёзно не выспался.

– Что так?

– Думал много.

– А ты не думай. Ложись спать и ни о чём не думай. Меня бабушка Гамзе-ханум так в детстве учила, когда я боялся засыпать один.

– И что, помогало?

– До сих пор помогает.

– Я так не смогу – не думать. Если б по башке кто шибанул.

– Ты Аллаха не гневи, Сашка. Могут и правда шибануть.

– Не буду. Заказы новые есть?

– Нет, пока висим. Но... – Эльдар поднял указательный палец вверх и сделал эффектную паузу.

– Что «но»?

– Если не сорвётся, то скоро я приведу шикарного клиента с великими планами, только надо завершить текущие дела. Потом времени не будет.

– Слова-то какие...

– Обижаешь. Я турок! Сын великого Ататюрка! Обещаниями не бросаюсь на голом месте.

– На пустом, Эльдар, на пустом месте. Я тебе верю. Но наверное, придется вам закончить текучку без меня. Устал я. Пару дней в офисе появляться не буду. Надо кое-что обдумать. Звоните только, если будут срочные вопросы.

– Ладно. Но ты мне не нравишься.

– Ничего. Я не красна девица, чтоб тебе нравится. Работай давай для всеобщего блага.

Эльдар в очередной раз сверкнул улыбкой и исчез за белой филёнчатой дверью.

С того дня Саша почти безвылазно сидел дома, просматривая криминальные сводки; обзванивая дальних родственников и старых знакомых. Большинство номеров были уже неверны, но те кто отвечал с трудом вспоминали, кем им приходится Чернецов, не говоря уже о Розе. Саша страшился и одновременно жаждал узнать что-либо новое о её убийстве. Они никогда не были друзьями или врагами. Не имели общих тайн. Саша, ещё мальчишка в те годы и Роза, безликое молчаливое создание, постоянно таскающее бабушке тарелки с кашей или лекарства... Ловящее каждое бабушкино слово... Бабушка! Вот та ниточка, которая связывала их, по сути чужих друг другу людей. И он старательно пытался вспомнить всё, что слышал или видел в те дни...

...Стоял на редкость тёплый июнь. Тогда самым любимым Сашкиным занятием было валяться в огромных зарослях гортензии на старом покрывале, которое стелила бабушка прямо на траву. Ему нравилось слушать стрекот цикадок, ловить аромат вянущих на жару цветов, наблюдать за ленивым полётом птиц. Кустарник цвёл почти под окном бабушкиной спальни, которое частенько было распахнуто настежь. Благодаря последнему обстоятельству как-то раз Саша невольно подслушал разговор, из которого тогда ничего не понял, и потому благополучно забыл. Роза о чём-то просила Маргариту, а та уже серьезно больная, нехотя отбивалась. Саша подкрался ближе. Роза настаивала:

– Маргарита Вульфовна, вы же знаете, как я вас уважаю. Никогда не сделаю вам во вред, но оставлять серьёзные вещи мальчишке – неразумно. Поймите, он не оценит. Не сбережёт.

Бабушка отвечала слабым голосом, но в нём звучала обычная уверенность:

– Нет, Розочка. Я приняла решение. Сашенька – умный мальчик. Он мой единственный наследник. Кроме того, так распорядился Пётр.

– Но вы сами сказали – мальчик! Дитя!

– Пусть так, – отвечала Маргарита. – Но не волнуйся. Я найду способ оформить всё разумно.

Роза опять раздражённо убеждала, приводя всё новые аргументы, но бабушка стояла на своём...

Вспоминая об этом теперь, Саша ясно понимал, что у Маргариты Вульфовой были свои взрослые тайны, в которые она его не посвящала. Однако Розе они наверняка были известны.

А в среду позвонила Люся. Она сдержанно попросила забрать её и мать из Ольгино. Саша понял, что обида не забылась, а как это часто случается с женщинами, многократно прожёвана словно жвачка и раздута до невероятных размеров. «Если этот пузырь лопнет, долго не отмоешься», – обречённо думал Чернецов, заводя машину.

Дорога ложилась ровной графитовой лентой, петляла поворотами и расслабляла. Мысли будто остались дома, в холостяцкой квартирке. Вчерашние тревоги превратились в обрывки тумана, который тает при первых лучах солнца. «Всё будет хорошо», – наконец созрела оптимистичная мысль и в это мгновение на дорогу метнулась пожилая женщина, стоявшая прежде на обочине. Саша резко затормозил, но столкновения избежать не удалось. Глухой стук возвестил об ударе. Внутри всё похолодело. Сердце стучало в висках, но мозг соображал ясно: он не мог критически навредить ей. Из-за дорожных работ, которые велись на этом участке скорость Тойоты была невысокой.

Саша огляделся по сторонам. Никого не было. Если он сейчас заставит себя выйти из машины и состояние женщины не совсем плачевно, у него есть шанс решить ситуацию мирно. Нужно только заставить себя выйти.

Однако она поднялась сама и хромая, направилась к водительской дверце. Это была пожилая цыганка. Лицо испещрённое морщинами, сразу показалось недобрым, а острый взгляд проник в самую душу. Саша вышел ей навстречу и спросил:

– Что же вы не смотрите по сторонам, когда дорогу переходите? Отвезти в больницу?

– Не надо в больницу, соколик. Нога у меня всю жизнь кривая. На непогодь так болит, что ступить не можно. Вот и сейчас крутит, зараза. Не надо в больницу. Цела я. Только от бед это тебя не избавит.

– От каких бед? Вы сами виноваты. Переходили в неподобающем месте. На дорогу не смотрели.

– Что мне на дорогу смотреть? Я судьбу наперёд вижу. И человека в казённой форме вижу, и недобрый знак в твоей жизни.

– Ладно, сколько хотите?

– Немного хочу, голубь... Людские пути в клубок сплетаются. И один Бог знает, что за полотно из этого клубка будет соткано. Раз нас с тобою свели, значит так надобно. Потому много мне не требуется, соколик. Ладонь свою покажи. Может и подмогёт тебе старая цыганка.

– Зачем вам моя ладонь?

– Показывай, говорю, руку. Ладонь – это лицо судьбы. Ты мою судьбу мог оборвать сейчас, за это свою покажи.

– И это всё?

– Всё, всё.

Саша, мысленно матерясь и ругая на все лады свою беспечность, протянул руку. Старуха устала в ладонь, наклоняясь так низко, что её грязные волосы и длинный нос, едва не задевали кожу. Отвращение с каждой секундой становилось всё отчётливей. Больше всего на свете хотелось повернуть время вспять и объехать эту мерзкую бабу несколько минут назад. Тут она вздрогнула и начала плевать по сторонам.

– Слушай, может пора завязывать со спектаклем, а, Кассандра? – не сдержался Чернецов. – Держи косарь и я поехал.

– Нет, красавчик, забери деньги. Они прокляты и мне даром не нужны. Вот послушай, что я скажу тебе и век благодарить будешь старую Каце. Сперва про прошлое скажу и про настоящее, а если согласишься с тем, что услышишь, скажу что ждёт тебя. Согласен?

– У меня есть выбор? Говори и отстань уж. Я спешу.

– Ну, слушай, бриллиантовый. Вижу я женщину пожилую. Она над всей твоей судьбой висит будто меч. С ранних лет она была с тобой и жизнью твоей правила. Отец давно тебя покинул. В небо он ушёл и не вернулся. Мать жива, но где-то далеко нынче. Так?

Саше стало неприятно, будто кто-то залез в душу и вытер об неё ноги. Откуда старуха знает об отце? Василий Петрович Чернецов, красивый статный мужчина, лётчик, служил в военной авиации и однажды на показательном представлении старенький ЯК не выдержал. Отец мог спастись, но предпочёл увести пикирующий самолёт подальше от толпы. Это спасло людей, но погубило отца.

А мать... Мать ещё в начале девяностых, закрутила любовь с музыкантом-испанцем, который приехал в Питер на международный творческий конкурс. Их роман был бурным и счастливым: мама вышла замуж и уехала в Испанию. Саша решил остаться, и ему тогда показалось, что её это ничуть не расстроило, а скорее, наоборот. «Ты уже большой. Решай сам», – всё, что сказала она ему тогда и улетела к любимому кабальеро. Так Саша и остался на попечение бабушки.

Тем временем Каце продолжала:

– Девушка у тебя есть. Хорошая. Любит тебя. Она – твоя судьба, а ты противишься. Напрасно... С ней ты будешь счастлив. Ну что? Права я?

– Возможно.

– Тогда слушай дальше. Женщина та, что прошла через твое детство – недобрая. И хоть нет её давно на этом свете, висит она над тобой как тать. И не только над тобой. Из-за неё кто-то недавно погиб. Дай-ка ещё гляну. Вот! Точно вижу знак. Тоже женщина, но моложе. И ты был знаком с нею, верно?

– Продолжай, – Саше показалось, будто в спину кто-то задышал холодом.

– До тех пор, пока эта тень не уйдет с твоего пути, счастлив ты не будешь. Убрать её трудно, но можно. Я научу. Слушай. Избавься от всего, что связано с ней. Как бы жаль не было – избавься. Что люди будут покупать – продавай. Что не купят – даром отдай. Только так свою жизнь спасёшь. Иначе загубит она и тебя, окаянная. Нет ей покоя. А потом, пятую часть от вырученного в Храм Божий отнеси и молитву сильную о ней закажи. Тогда откроется твой путь, груз с плеч упадёт, замки отворятся, оковы распадутся и будешь ты со своей девушкой счастлив. Двое ребятишек у вас будет. Вот они, смотри, – и старуха ткнула грязным ногтем в две малоприметные линии на Сашиной ладони.

Он брезгливо одёрнул руку и со словами: «Спасибо, достаточно», положил в карман цыганки «пятихатку». Слушать её Чернецов больше не мог.

– Смотри, соколик, твоё счастье – в твоих руках. Послушаешься и Бога благодарить за нашу встречу будешь, – прокаркала вслед старуха.

Саша ударил по газам и машина с визгом сорвалась с места. Прежнего спокойствия как не бывало. Откуда цыганка знала о гибели Розы? О папе и маме? Совпадение? А что, если она действительно обладает даром? Сейчас много об этом пишут. Надо признать, его бабушка всегда была очень требовательным человеком. Но она любила внука и её властность никогда не тяготила. А может быть, он просто не замечал? Ведь не зря почти все обитатели питерского дворика, где они жили, да и соседи – дачники, побаивались Маргариту. Мало кто водил с ней дружбу. Если подумать, то и настоящих друзей у неё не было. Однако когда бабушка хворала, кто-то неизменно присылал ей самые дорогие лекарства, цветы, книги. Кто это был Саша не знал. «Мой тайный дыхатель», – отшучивалась бабушка, а внук и не пытался выяснить правду.

Из имущества она оставила ему огромную квартиру в Питере, которую Саша теперь сдавал и дачу в посёлке Лисий Хвост. Саша даже не помнил, когда был там в последний раз. И в тот самый момент он ощутил непреодолимое желание вернуться в старый, добротный дом. Ему захотелось увидеть его тёмно-коричневые стены, белые ставни и разросшийся сад, приносящий прохладу в жаркий полдень. Может быть, окунувшись в детские воспоминания он сумеет что-то понять и наконец-то сложить этот пазл.

Бардачок был полон всякого хлама, но к счастью на брелоке с ключами от бабушкиной квартиры, нашёлся и ржавый ключ от дачи. Люда подождет и её мама тоже. Саша свернул на ухабистую дорогу, ведущую в дачный посёлок Лисий Хвост.

Глава 4

Фамильные тайны.

Старый дом с укоризной смотрел на владельца облупившимися окнами. Саша толкнул калитку, пытаясь стряхнуть чувство вины. Нехотя, с жалобным скрипом, она распахнулась и впустила его. Облетевший сад и дорожка устланная листвой привели к крыльцу, как к храму. Только здесь был храм его воспоминаний. Храм его детства.

Он почти видел себя мальчишкой. Видел бабушку, накрывающую стол белоснежной скатертью. Вот она приносит блюдо с пирогами, затем кувшин с киселем и малину в хрустальной розетке. Над лакомством кружат осы, а Сашка бегаёт вокруг бабушки, едва не снося её с ног.

– Санька, не бегай! Мокрый уже как мышь церковная, – ворчит она. – Утомись и вымой руки. И когда я научу тебя вести себя, как подобает Чернецову?

– А кто такой Чернецов?

– Ты и твой отец, и дед, и прадед, и прапрадед.

– Им тоже нельзя было бегать?

– Не задавай взрослым детские вопросы.

– Почему?

– Потому что ни один взрослый тебе на них не ответит.

– Почему не ответит? И почему если год бывает круглым, он не может быть квадратным?

– Александр, не порть мне нервы! Не то придется заняться твоим воспитанием. Ты обязан вести себя подобающим образом и точка. Нет в человеке твёрдого принципа – нет и жизненного стержня. У Чернецова такого быть не может, понял?

Сашка насупившись, кивнул. Он понял, что ничего не понял и бубня под нос шёл мыть руки к цинковому рукомойнику...

Что-то тяжёлое и холодное упало на лоб. Саша вздрогнул. Всего лишь капля с яблоневого ветки. Дождя уже не было, но сырость оставшаяся от вчерашней непогоды пробудила от детских грёз. Он наконец-то открыл входную дверь и спёртый воздух дохнул в лицо. Сколько времени не был он здесь? Он и сам не помнил.

Неторопливо отсчитывая шаги Саша миновал тёмное пространство длинного коридора. Затем прошёл в гостиную и поднялся наверх по лестнице. Здесь было ещё мрачнее чем внизу, но на чёрном полу под полуоткрытой дверью детской комнаты плясали странные едва уловимые синеватые блики. По спине пробежал холодок. Казалось, во всём мире остался лишь он и этот дом.

Почти на ватных ногах Саша вошёл в детскую. Всё здесь было по-прежнему. Лишь время оставило неизгладимый след на вещах, которые тонули и растворялись в сыром полумраке. Он осмотрелся, но не нашёл ничего, что могло бы искриться или светиться. Возможно, зрение обмануло его из-за излишнего напряжения и пережитого стресса. Больше в таинственной комнате оставаться не хотелось и обуреваемый суеверными мыслями Саша спустился вниз. Тут ему пришло на ум, что много лет назад бабушка хранила деньги и документы в банках с крупами и неплохо бы проверить: вдруг что-то осталось. Ведь в доме ничего не менялось с тех пор, как не стало Маргариты Вульфовны. Саша практически не пользовался дачей.

Скупой свет на кухне пробивался сквозь узкое окно. Саша пробежался взглядом по заплесневшему буфету, по шкафчикам со старой посудой и бутылками в паутине. Потом он принялся открывать дверцы наугад в надежде отыскать что-нибудь интересное и так увлёкся этим занятием, что ничего не слышал и забыл о времени. Неожиданно за спиной кто-то вежливо откашлялся.

Саша вздрогнул и обернулся. На него в упор смотрел незнакомец. Мужчине было что-то около шестидесяти лет. Благородная седина и недешёвый костюм намекали, что на дачу забрёл не простой любопытствующий. Мужчина вновь прокашлялся, словно смутившись созданным положением и произнёс:

– Прошу прощения. И в мыслях не было шпионить за вами. Я здесь по сугубо деловым соображениям. Мне необходимо побеседовать с владельцем этого дома. Если память меня не подводит, это вы и есть. Так ведь?

– Я и есть. Александр Чернецов. С кем имею честь говорить?

– Фессель Борис Вениаминович. Адвокат. Вот, держите визитку, – и мужчина протянул Саше чёрную визитку с золотым текстом, украшенным завитушками и большой глазастой птицей.

– «Сова»?

– Да-да, друг мой. Именно так называется моя контора. Сова очень мудрое пернатое. К примеру, у неё есть привычка селить в своем гнезде маленькую змею. Птенцы дерутся с ней за добычу, которую приносят взрослые совы. Это помогает им расти сильными и ловкими. Держу пари, вы этого не знали.

– Не знал. Однако было бы неплохо также узнать, чем обязан вашему визиту.

– Ах да, конечно. Простите стариковскую болтливость. О совах я мог бы рассказывать часами. Право слово, любопытнейшие создания. Но к делу! Видите ли, моя дача здесь неподалеку, а дочка вот замуж собралась. Вы спросите какое вам дело до чужих свадеб? Так вот она, знаете ли, в положении. Кто поймет нынешнюю молодёжь: женятся, чуть ли не на пороге роддома. Но оставим это. Главное, что у меня будет внук, а ребёнку нужен свежий воздух, простор. И я хочу преподнести им в подарок солидную дачу. А ещё желательно, чтобы молодые заглядывали ко мне время от времени, поэтому лучший вариант – дом поблизости. В городе-то, как мы все встречаемся? От случая к случаю. Всё дела нас вертят да жарят, как дичь на вертеле... Мог бы я конечно и свой дом предложить, да только мне самому порой требуется отдых и тишина. Личное пространство, так сказать. Так зачем мешать друг другу, если можно всё сделать красиво? Ваша дача прозябает в пустоте уж сколько лет. Но дом большой, добротный. Раньше на совесть строили. Ремонт организую и здесь снова будет кипеть жизнь. Смотрю: машина стоит у ворот, дверь открыта. Дай, думаю, наведаюсь и надо же как повезло. Самого хозяина встретил. Судьба... – многозначительно вздохнул адвокат.

– Простите, Борис Вениаминович, понимаю ваши обстоятельства, но на тему продажи не размышлял. Заехал исключительно из чувства ностальгии.

– Молодой человек, вы говорите смешные вещи! Скажу, как опытный адвокат: если недвижимость стоит без дела, ветшает и рушится, это ваш личный убыток. А вам, судя по всему заниматься домом недосуг. Вы же себя обворовываете. Ностальгия?! Она превратится в кучу хлама, а я из этого дома сделаю конфетку. Да и все эти легенды, которые кружат здесь и о которых любят посудачить старожилы... Сказки конечно, но должно быть неприятно. И оно вам надо? – осторожно поинтересовался адвокат.

– Какие легенды?

– Как?! Вы ни разу не слышали трагическую историю о ваших предках и этом доме? – деланно изумился Фессель.

– Ни разу, – подтвердил Саша.

– Ну что ж... Если пригласите меня в гостиную, готов взять на себя столь сомнительную миссию и поведать вам кое-что из этих рассказней. Что из этого правда, а что – вымысел, решайте сами. Всё-таки странно, что вам ничего не известно. А с другой стороны... Вы ведь были ребёнком. Возможно и не стоило мальчишке забивать голову болтовнёй досужих тётюшек.

– Проходите, Борис Вениаминович. Вы меня заинтриговали, – махнул рукой в сторону гостиной Саша.

Это была достаточно длинная комната с высоченным потолком и огромной люстрой, покрытой теперь грязной тряпкой. Стены, обитые гобеленами, давно находились в плачевном состоянии. Саша точно помнил их первоначальный тон: голубой с серым ажуром. Но непосвящённый человек ни за что бы об этом не догадался. Побитые молюю бархатные шторы свисали под тяжестью пыли и времени. Выцветший ковёр казалось вот-вот рассыплется от шагов вошедших. Саша снял чехлы с двух кресел и устроившись в неприятной сырости одного из них предложил Фесселю сделать тоже самое:

– Присаживайтесь, пожалуйста. Извиняюсь за неудобства. Наверное, стоило поговорить во дворе или в машине, но вы сами предложили гостиную. Итак, слушаю вас.

– Не извиняйтесь. Здесь вполне комфортно. Я расскажу то, что помню сам. Хотя кое-что мог запомнить, уж не обессудьте. В те годы, когда ваша бабушка Маргарита Вульфовна была молодой женщиной, я ещё под стол пешком ходил. Супруг Маргариты, ваш дед Пётр Чернецов слыл серьёзным человеком среди дачников. В посёлок навевывался редко. Да и стоило ему задержаться здесь, как на дороге появлялся автомобиль ЗиС, доступный в те годы лишь избранным и увозил его в неизвестном направлении. На первых порах болтали даже, что Чернецов имел отношение к КГБ. Однако я уверен, что это были лишь домыслы.

– Действительно, домыслы. Моя бабушка рассказывала, что дед был политзаключённым. Думаю, ей были хорошо известны все обстоятельства. И если это то, что вы собирались мне рассказать, то...

– Не торопитесь, молодой человек. Это всего лишь начало истории. Ваш дед действительно был арестован здесь, в этом доме. Но вряд ли кто-то доподлинно сообщит вам реальную статью, по которой он был осужден. Ведь после этого инцидента стали всплывать необычные факты биографии Петра Чернецова. Заговорили, что на самом деле ваш дед был крупным учёным. Правда не таким, о которых пишут в газетах, а таким, о которых известно лишь небольшому кругу высокопоставленных лиц. Обывателю его труды были недоступны. Одной из таких секретных работ оказалась исследовательская экспедиция в Арктику. В советские годы с ней носились, знаете ли. Это сейчас не ценят ничего: ни природные ресурсы, ни честь страны, – печально заметил адвокат. – Но не будем отвлекаться. Так вот, якобы во время этой экспедиции случилось нечто из ряда вон выходящее. Ходили слухи, что ваш дедушка, уж простите, оказался неблагонадёжным человеком. Из-за него, дескать, провалился весь проект и погибли люди. За это он и лишился свободы.

– Откуда же местным сплетникам стало известно о секретном исследовательском проекте, если даже в газетах о таких не писали? – поинтересовался задетый за живое Саша.

Фессель развёл руками в ответ:

– Ну вы же понимаете, как это обычно бывает: кто-то что-то услышал, приукрасил, передал другому. В Лисий Хвост до и после ареста вашего деда неоднократно навевывались люди в штатском. Вели долгие расспросы. Возможно сами и забросили эту информацию. Потом правда всё поутихло. О дальнейшей судьбе Петра мне неизвестно. Но почти уверен, что стены с колючей проволокой за которые его сослали, были слишком прочны, чтобы их можно было преодолеть. Я прав?

– К сожалению, да. Мой дед умер в заключении.

– Жаль, очень жаль. Возможно освободившись, он бы сумел отстоять свою честь, да и от других бед предостеречь семью. Понимаете, с Маргаритой из-за этих самых сплетен мало кто дружил. Здоровались вежливо, на погоду жаловались, но и только. А вот матушка моя, Амалия Карловна, была вхожа в ваш дом. Да и Маргарита к нам заглядывала на чай. Моим родителям когда-то хватило ума разглядеть в Чернецовых порядочных людей, но дружба эта стала причиной большого скандала, после которого неприятности на наши семьи посыпались,

как из рога изобилия. Вы наверное знаете, что у ваших бабушки и дедушки было двое сыно-вей? Ваш отец Василий и его старший брат – Валерий. Вот с ним и вышла история.

– Я знаю, что мой дядя погиб много лет назад. Сам не видел его никогда. Только на старых снимках.

Борис Вениаминович глубоко вздохнул и спросил:

– Вы не возражаете, если я закурю? Вообще-то, доктора не рекомендуют, но я себе иногда позволяю. В особых случаях.

Саша не возражал и следующие несколько минут Фессель задумчиво курил, словно обдумывая что-то и собираясь с мыслями. А затем продолжил:

– Обстоятельства гибели вашего дяди не совсем ясны, Саша. По сути и полной уверенности не было, что Валерий погиб. Но по истечении стольких лет уже нет поводов сомневаться в этом.

– Мне говорили, что он утонул, когда рыбачил.

– Да, конечно. Это я сейчас с позиции адвоката смотрю. Простите, профессиональное. Но не будем бежать впереди паровоза. Когда всё произошло Валерию было что-то около восемнадцати лет. Молодой человек он был привлекательный и что греха таить, пользовался этим. Моя старшая сестра, Майя, увлеклась им безумно и вскоре сообщила родителям, что месяцев этак через семь – восемь, они станут бабушкой и дедушкой. Разразился вселенский скандал. В конце концов отец, привыкший действовать решительно, схватил сестру за руку и потащил к Маргарите. Та услышав новость, попросила моего отца пройти в кабинет для разговора. Именно тогда выяснилось крайне неприятное обстоятельство: оказывается, Валерий страдал каким-то психическим расстройством и Маргарита каждый год вынуждена была привозить его сюда из Питера на весь дачный сезон. Дело в том, что в тёплое время года он имел привычку уходить из дому и бродить днями и ночами по городу. А Лисий Хвост в ту пору был очень обособленным посёлком и Валерий каждый вечер неизменно возвращался ночевать домой. Для Маргариты это было главным. О его амурных делах она не знала или делала вид, что не знала, но в итоге, против брака Валерия и Майи не возражала. Сказать, что отец был взбешён этой информацией, значит не сказать ничего. С того дня мои родители прекратили все отношения с вашей бабушкой. Но сестра, как заговоренная грезил о несостоявшемся женихе и прерывать беременность наотрез отказалась.

– Печально, – вздохнул Саша. – Что же было дальше?

– Дальше мои родители оставили Майю донашивать ребёнка здесь, скрываясь от посторонних глаз, чтобы питерские родные и знакомые не знали о постыдной ситуации. Тогда, знаете ли в подоле принести было бесчестьем для всей семьи. Майя родила дочь прямо на даче и назвала девочку Розой.

– Розой?

– Именно. Она впоследствии жила в вашем доме.

– Как она оказалась у нас? – изумился Саша.

– Дело в том, что Валерий, вскоре после скандала между нашими семьями, погиб. Подробности мне неизвестны. Знаю лишь то, что знают все – утонул. Деревенские мальчишки видели, как его лодка перевернулась, после чего он так и не vyplыл. Однако сколько не искали тело – не нашли. До сих пор поговаривают, что он ходит призраком по этому дому ибо не может найти успокоения. Кое-кто даже брался утверждать, что видел здесь по ночам странные огоньки и тому подобную ересь. Однако это не больше чем болтовня, вы же понимаете. Моя сестра, родив дочь и наконец осознав в какую пропасть себя завела, начала пить от безысходности. Почти всё время она проводила на даче с Розой. А потом, когда пьянство окончательно лишило её материнских чувств, она оставила девочку в посёлке и уехала в Питер. К превеликому сожалению, пьёт по-прежнему. Я купил ей однушку в Кировском районе. Пытался лечить, но тщетно. Жизнь сестры оказалась перечёркнута. Майя так и не смогла направить её

в нужное русло. А ведь талантливая девочка была. Знала немецкий, английский, даже суахили учила. Музицировала великолепно... – Борис Вениаминович закрыл влажные глаза, предаваясь воспоминаниям.

– А Роза? – напомнил Саша.

– Роза... Я не был с ней дружен и даже чурался её, каюсь теперь в этом. Родители платили местной пожилой паре и они присматривали за девчонкой. Ваша бабка тоже помогала: деньгами, одеждой, книгами. Затем, когда Маргарита состарилась, Роза ухаживала за ней из благодарности. А с нами племянница дел иметь не хотела, ведь родная мать бросила её, а моим родителям, она была как бельмо на глазу. Я ничего не знаю о её жизни после отъезда из Лисьего Хвоста.

Судя по всему, адвокату ещё не было известно об убийстве племянницы, а сообщать ему данную новость совсем не хотелось, поэтому Саша произнёс, будто между прочим:

– Я всегда думал, что Роза наша дальняя родственница. Седьмая вода на киселе, как говорят. Оказывается – моя двоюродная сестра...

– Да, Саша. Мы с вами родственники в какой-то степени. Родители запретили общаться с семьей Чернецовых в те годы. Однако я считаю, что лично вашей или моей вины в произошедшей истории нет. Майя должна была думать, прежде чем решаться на такие отношения. Думать не только о себе, но и об отце с матерью.

– Действительно, очень грустная история.

– Вот видите. Так зачем вам дом со столь тяжелой аурой? Судя по всему, вы и сами это ощущаете, раз фактически не бываете здесь.

– А вам?

– Что мне?

– Зачем вам дом со столь тяжёлой аурой?

– Ах, мне то зачем, – адвокат рассмеялся. – Я деловой человек и не суеверен. Эта история меня затрагивает слабо. Разве что, Майю. Но мы редко общаемся и ей давно всё безразлично. В компании Бахуса, знаете ли, свойства предметов и событий теряют свою остроту. Моя дача находится близко от этого дома и мне удобен этот вариант. Только и всего. Назовите вашу цену. Уверен, мы договоримся, по-родственному, – и адвокат вновь обаятельно улыбнулся.

– Откровенно говоря, я не готов к разговору о продаже и тем более, не готов назвать цену. Слишком много информации. Мне надо всё обдумать.

– Да-да, конечно. Я не тороплю вас. У вас есть моя визитная карточка. Найдёте меня, когда всё решите, – и адвокат вопросительно заглянул в глаза, как бы ожидая получить в ответ координаты Саши.

Но Чернецову торопить события не хотелось и он встал, давая понять собеседнику, что разговор окончен. Борис Вениаминович тоже поднялся, принёс тысячу извинений и был таков. Сквозь грязные стёкла гостиной Саша увидел роскошный чёрный «БМВ» за руль которого сел адвокат и уехал, посигналив на прощание.

Всю дорогу до Питера Саша в полуха слушал нытьё Елены Дмитриевны, мамы Людмилы. Жаловалась она на всё подряд: на здоровье, на соседей, на Люсечку, ставшую, по её словам, излишне нервной и плаксивой, и так далее до бесконечности. Люда, всё ещё переживая обиду, постоянно смотрела в окно.

Но Сашу не волновало, ни нытьё первой пассажирки, ни задетое самолюбие второй. Он думал о своей бабушке, о Маргарите Чернецовой. Как много фамильных тайн скрывала она от него?

Глава 5

Чёрная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви (с)

С той поры в Саше боролись два противоречивых чувства. Порой ему казалось, что он находил рациональное зерно в словах цыганки. Как оказалось, бабушка была гораздо более скрытной, чем он предполагал. Ведь она никогда не рассказывала о том, что дед был учёным и тем более о том, что Роза приходилась Саше двоюродной сестрой. Последнее обстоятельство возмущало больше всего. Возможно Маргарита молчала, чтобы не запятнать честь погибшего сына. Но что при этом чувствовала Роза, живя на правах прислуги в доме собственной бабушки?

Почему Маргарита скрывала такие важные обстоятельства? Саша вспоминал её строгие выволочки за любую провинность и обида нарастала в нём, как в детстве. Может быть она и в самом деле незримо управляла его судьбой, дёргая за невидимые нити, а он даже не подозревал об этом...

С другой стороны, странное стечение обстоятельств в виде знакомства с цыганкой и Феселем в один и тот же день, порождало не меньше вопросов. Эти два персонажа были словно актёры, занятые в одном и том же спектакле. Но в таком случае, кем являлся его главный режиссёр? Как минимум, он был тонким и осведомленным психологом ибо сумел понять, что после встречи с Каце Саша обязательно завернёт в Лисий Хвост. Да и под его Тойоту цыганка бросилась на том участке дороги, где шёл ремонт. Наверняка «режиссёр» был осведомлён о данном обстоятельстве и не желал, чтобы Каце получила серьёзные увечья. Из этого вытекало ещё более неприятное открытие: невидимый «кто-то» знал о Сашиних передвижениях. Это нервировало больше всего.

Утром погода наконец-то сжалилась над жителями Петербурга и одним движением ветреной руки разогнала все тучи в небе. Солнце пробралось даже в самые забытые переулки, залило светом набережную Невы и теперь стучалось в окна звонкими лучами. Саша долго валялся в постели, наблюдая за полётом пылинок в солнечном свете. Но вскоре сонная тишина покинула спальню. Небесное веселье породило чувство лёгкости и вновь обретенной надежды на лучшее. Сегодня Чернецов должен был вернуться на работу.

Пробок на дорогах почти не было. Саша легко и быстро домчался до «Пегаса». По такому случаю он даже прикупил в гастрономе ванильный рулет и пару лимонов. Представляя, как будет довольна габаритная Фаина Аркадьевна, заядлая сладкоежка, Саша вошёл в офис и бодро поздоровался:

– Приветствую почётных тружеников монитора и мыши! Фаина Аркадьевна, ставьте чайник. Будем устраивать планёрку.

К изумлению своего начальника, Фаина Аркадьевна не расплылась в счастливой улыбке, а сделала круглые глаза и кивнула на Сашин кабинет. Судя по тому, что она была приоткрыта, в кабинете Чернецова ожидал некий сюрприз. Саша вошёл, полный неприятных предчувствий.

За его столом сидел незнакомый мужчина лет пятидесяти или старше. Род занятий красноречиво выдавали погоны на плечах. «Человек в казённой форме...», – кольнуло неприятное воспоминание предсказанное Кацэ. Перед милиционером лежала кожаная папка, будто тоже ожидая Сашиного прихода и готовясь извлечь из своих недр какие-то убийственные документы. Мужчина встал и спросил:

– Александр Васильевич Чернецов?

– Да, чем обязан?

– Добрый день! Я – следователь ОВД Центрального района, Слепцов Виктор Анатольевич. Прошу извинить за то, что вынужденно оккупировал ваш кабинет. В приёмной ждать было несколько неудобно.

– По какой причине, позвольте узнать, неудобно?

– По причине излишней энергичности вашей, э-э, сотрудницы.

– Чем вам досадила Фаина Аркадьевна?

– Собственно говоря, только тем, что после десятиминутного разговора с ней у меня сложилось впечатление, что следователь она, а не я.

Саша улыбнулся и произнёс:

– Ну что ж. Поскольку вы устроились самостоятельно, прошу сообщить мне цель вашего визита. У меня как-никак рабочий день начался.

– Да, конечно. Я должен задать вам пару вопросов по поводу преступления, совершенного несколько дней назад.

– Слушаю вас.

– Где вы находились четырнадцатого сентября в период с пятнадцати до семнадцати часов? Можете вспомнить?

– Если не ошибаюсь, в тот день я закончил работу около трёх часов дня и названный вами промежуток времени провёл в дороге. Моя машина не совсем исправна и я воспользовался общественным транспортом. Значит, примерно к четырем часам был дома. И следующий раз покинул квартиру около восьми вечера, чтобы съездить к моему приятелю Максиму Капралову. Он владеет автосервиса. Я рассчитывал на его помощь в ремонте авто.

– Это кто-то может подтвердить?

– Фаина Аркадьевна подтвердит, что я вышел в три. Капралов естественно, тоже расскажет о моём визите. Но не уверен, что водитель электропоезда, в котором я ехал с работы, согласится дать показания в мою пользу.

– Ценю ваш юмор, но ёрничаете напрасно. Убита ваша близкая родственница, Роза Валерьевна Фессель. Вам об этом известно?

– Нет, не известно. Я много лет не общался с Розой и о степени нашего родства даже не догадывался до недавнего времени.

– А что такого произошло в недавнее время, что прояснило ваше родство? – насторожился Слепцов.

– Ко мне наведалься потенциальный покупатель моего загородного дома, адвокат Фессель Борис Вениаминович. Он и сообщил эту информацию.

– Что ещё он сообщил вам?

– Больше ничего заслуживающего внимания.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Как часто вы общаетесь с Фесселем?

– Я общался с ним один раз на предмет продажи дома.

– И никогда прежде? – Слепцов прищурился внимательно разглядывая Сашу.

– Никогда прежде, – твёрдо ответил Чернецов.

– Что ж. В таком случае, вспомните, пожалуйста, когда вы в последний раз виделись с Розой Фессель.

– Много лет назад. Думаю, лет так в двенадцать.

– Вы хотите сказать, что все эти годы ничего не знали о ней?

– Совершенно верно, ничего не знал. И в свою очередь хотел бы поинтересоваться, Виктор Анатольевич, почему вы допрашиваете меня. На каком основании?

– Не допрашиваю, а собираю информацию. И собираю её на основании того, что вы с убитой – родственники. Более того, есть основания полагать, что перед своей гибелью она искала встречи с вами.

– Да? – вяло удивился Чернецов. – С чего вы это взяли?

– Она была убита недалеко от вашей квартиры по улице Тимирязева. Вам это известно?

– Нет. Я уже отвечал вам.

– И вы не обратили внимание на милицейское оцепление у вашего дома в тот вечер?

– Обратил, но выяснять подробности не стал. Торопился в автосервис. Меня там ждал друг.

– Хорошо. В таком случае, скажите: у вас есть предположения, кому могло быть выгодно убийство вашей двоюродной сестры?

– Нет. Не представляю себе. Я не знал, как сложилась её судьба после смерти бабушки. А у вас, господин следователь, уже есть версии?

– У меня, к сожалению, пока тоже нет. Нам также мало что известно о её жизни, поэтому любая информация может быть важна. Собственно поэтому и прошу вас оказать возможное содействие следствию.

– Я могу быть чем-то полезен? – осторожно поинтересовался Саша.

– Можете, – быстро отозвался следователь. – У меня к вам есть просьба.

– Какого рода?

– Откровенно говоря, не особо приятного. Я хочу, чтобы вы взглянули на фотоснимки, сделанные на месте убийства. Опознала убитую её мать, Майя Фессель. Так что это – всего лишь формальность.

– Показывайте.

Папку, лежащую на столе и ждущую своего часа наконец-то открыли и следователь извлек из неё стопку фотографий. Как и следовало ожидать, они производили жуткое впечатление. Роза с широко распахнутыми глазами и с тёмной дорожкой у уголка рта, лежала в кровавой луже. Снимки были монохромными и оттого, и лужа, и нелепый плащ, в который убитая была одета, казались чёрными. Саша поневоле вспомнил тот пасмурный день, когда встретил её, возвращаясь домой. Потом мысли увлекли в далёкое детство, когда эта незаметная женщина заботилась о них с бабушкой, а он никогда этого не ценил, не видел, не ощущал. Она искала его зачем-то спустя столько лет и вот теперь лежит в этой жуткой луже. Почему?

Следователь, внимательно следивший за реакцией собеседника, правильно расценил его состояние и ровно произнёс:

– Понимаю вас. Гибель человека сложно воспринимается, особенно, если знал его в детстве, когда жизнь кажется бесконечной. Но это пройдёт, поверьте. Выпейте спиртного, легче будет, – и Слепин огляделся в поисках бара.

– Спасибо, я в порядке. Это действительно Роза. К сожалению, могу добавить, что изменилась она не в лучшую сторону.

Следователь кивнул:

– Года и пули никого не красят.

– Господин следователь, а как вы поняли, что это именно Роза Фессель? – Саша задал давно волнующий его вопрос. Он хорошо помнил, что в новостных хрониках упоминалось: при женщине не было никаких документов, указывающих на её личность.

Слепцов пристально посмотрел на Сашу, провёл рукой по седой коротко стриженной голове и медленно ответил:

– Счастливая случайность, если можно так выразиться в данном случае. Майя Фессель, мать Розы, увидела репортаж с Тимирязева по телевидению и обратилась к нам сама.

– Кажется, она пьёт.

– Да, хроническая алкоголичка. Однако дни просветления случаются даже у неё. Откуда у вас информация о Майе Фессель?

– От её брата.

– Что-то Борис Вениаминович разговорился. Не похоже на него. Мы знакомы по некоторым судебным делам. Он сильный адвокат.

– Может быть, по-родственному, – предположил Саша.

– Фессель сентиментальностью не страдает. Делиться подробностями, да ещё такого свойства не в его стиле. Он известная личность в в наших кругах. Видимо, господин адвокат в крайней степени заинтересован в покупке вашего дома.

– Возможно. Могу я вам задать ещё один вопрос?

– Задавайте. Отвечу, если это в моей компетенции.

– Почему вы решили, что Роза искала меня? Только потому, что её убили на Тимирязева, где я живу? Это могло быть случайным совпадением, – голос Саши почти не дрожал.

– Может быть и совпадение. Вообще, хороший вопрос, но ответить на него, увы не могу. Сначала я должен подёргать за все ниточки. Уж больно странное преступление: ни мотивов, ни подозреваемых, – задумчиво отозвался следователь. – Назовите мне адрес вашего приятеля из автосервиса и пожалуй, на сегодня у меня вопросов больше нет. У вас ко мне, как я понимаю тоже?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.